

Старый лис

Несколько хаотично наваленных друг на друга бетонных блоков создавали узкое, но довольно сухое укрытие от проливного дождя. Рядом располагалась давно заброшенная свалка – ржавые и помятые металлические емкости, бочки со следами краски, с пятнами от масел и прочих продуктов нефтехимии, следы от расплавленной изоляции, всевозможные коробки и прочий хлам. Весенняя распутица превратила этот неприветливый уголок в маленький остров, окруженный заболоченной низменностью, из которой торчали старые сосны, отражаясь хвоей в воде. До ближайшей автостреды было слишком далеко, так далеко, что до островка доносились только очень приглушенные звуки самых гроыхающих грузовиков.

По какой причине столько ненужных больше человечеству вещей были собраны здесь, как они оказались в столь непроходимых местах, было непонятно. Но не это заботило лиса, который укрывался от дождя среди бетонных блоков. Было важнее, что лис не чувствовал присутствие здесь человека. В близлежащей округе не было ни свежесломанных веток, ни примятой травы, ни прочих следов пребывания двуногих, не считая застаревшей вони от свалки. Но вонь можно пережить. Здесь лис собирался провести всего лишь дня два, тем более рядом с ним находилась ондатровая тушка, так удачно пойманная по дороге сюда. Она поможет справиться с голодом.

Лис был спокоен, понимая, что сквозь заболоченную местность на этот островок не проберется ни медведь, ни волк, да и прочим крупным животным тяжеловато будет отыскать тропинку, найденную лисом. Ему было четыре года. Грязно рыжая шерсть свисала с боков, украшенная проплешинами от зарубцевавшихся ран. Вновь засочилось кровью ухо, поврежденное вчера в бою с собакой. Заныла лапа. Лису отдых был необходим, тело еще не адаптировалось к нагрузкам, от которых отвыкло после двухлетнего заточения. Он положил голову на вытянутые лапы. Сквозь щель, образованную бетоном, уставился на капли дождя. Сознание уносило его в прошлое...

...Не очень крупный, не очень мускулистый, не обладающий яркой шерстью лис покинул семейное жилище в первую осень своей жизни. Окрыленный молодостью и светлыми надеждами он отправился на покорение нового пространства. Он обосновался, заняв приличную территорию километрах в тридцати от старого дома, не встречая возражений от других лисиц. Тайга огромна, места в ней хватает для всех.

Поселившись на новом месте, лис пережил первую зиму. Запасы, приготовленные осенью, а так же периодически попадавшаяся свежая добыча, позволили дождаться начала весны без особых проблем.

В один из первых весенних дней он пробирался сквозь талый снег, обходя границы своей территории, как вдруг услышал трехголосый лисий лай. Два угрожающих голоса явно были от самцов, границы чьих земель соприкасались с землями нашего лиса, а третий, почти обреченный, оказался чужим. Не раздумывая ни секунды, лис бросился в сторону звуков. Вскоре он увидел ее, самку, которой суждено было стать причиной всей его оставшейся жизни. Она сидела, прижав хвост, в окружении двух крупных лисов. Не обладающий впечатляющими физическими данными наш лис бросился в атаку на самцов. Драка была долгой и упорной. Уже через несколько минут после начала борьбы на теле лиса можно было насчитать с десятков страшных рваных ран, но он не сдавался. И самцы дрогнули. Отступили, испугавшись настойчивости своего не очень крупного соседа.

Обессиленный лис рухнул в снег, а самка, жалобно поскуливая, подошла к нему и стала осторожнолизывать раны. Так началась их совместная жизнь. Вскоре, в лисиной норе появилось шесть очаровательных пищащих лисьих комочков, открывших глаза через две недели. Весна была теплой, охотничьи угоды нашего лиса оказались заполненными всякой мелкой живностью, не дающей голодать молодой семье.

Время шло, уходило лето, приближалась осень. Молодые лисята подросли. Наступил их черед покинуть свой отчий дом. Лис со своей подругой остались одни. Будь бы в тех местах сторонний наблюдатель, он бы обязательно решил, что для лисьей пары наступил медовый месяц. Необремененные заботой о потомстве, они жили только друг для друга. Казалось, они не замечали ни холодных дождей поздней осени, ни лютых зимних морозов, ни голода, который нет-нет, да навевывался к ним. Для лиса важным было знать, что его подруга рядом, а для нее – постоянно ощущать вблизи его дыхание.

Наступила новая весна. В лисьей семье опять появилось потомство. Где-то, через месяц после рождения лисят, в день, который оказался самым роковым в жизни нашего лиса, он поднес к своей норе ещё живого бурундучка. Почувяв приход отца, из норы выскочило пять пушистых маленьких лисенка – именно столько лисят принесла его подруга. Отец выпустил бурундучка, который сразу же попытался скрыться в густой траве. Но не тут-то было! Лисята с визгом бросились ловить эту юркую добычу! Поглядев с умилением, как дети обучаются азам охоты, лис отправился к дальней речке, чтобы раздобыть для своего семейства более жирную добычу на ужин.

Речка находилась в нескольких километрах от норы, была быстра и мелководна. Часто течение билось потоком об камни, торчащие со дна, и выбрасывало чуть ли не на самый берег рыбу, иногда даже довольно крупного размера. Лис рассчитывал именно на это. Он выбрал себе место на берегу возле удобного скопления камней, замер в ожидание улова. Его глаза сосредоточились на потоках воды, выглядывая рыбу, слух воспринимал только веселое журчание, обоняние было занято изучением речного запаха. Как вдруг раздался грохот выстрела. Резкая боль пронзила заднюю левую лапу. Не ожидавший ничего подобного лис резко подпрыгнул, разворачиваясь в воздухе. При приземлении ударился об землю поврежденной лапой, не удержавшись от боли, упал. Еще в полете он услышал собачий лай, увидел огромного пса, летящего к нему словно птица. Пес, подбежав к лису, ударил тяжелой лапой в бок, заставляя завалиться на спину, вцепился клыками в шею. Лису стало трудно дышать. Вскоре он потерял сознание.

Очнулся лис посреди ночи в железной клетке на соломе. Клетка одной стороной примыкала к глухой стене одноэтажного деревянного дома с покатой крышей. Сквозь другие стороны клетки можно было разглядеть такой же глухой и высокий деревянный забор с различными деревенскими постройками, поленницу дров, небрежно присыпанных к забору, собачью конуру. Но лис пока ни к чему особо не присматривался, у него болела шея, болели ребра, по которым пришелся удар собаки. Очень болела лапа. Лис скосил глаза на лапу, увидел, что она замотана белой, окровавленной тряпкой. Он попытался зубами сдернуть эту тряпку, но попытка закончилась еще более острой болью. Лис непроизвольно всхлипнул.

Тихий, короткий всхлип сработал не хуже сигнализации. Из конуры с противным лаем выскочил пес, придушивший лиса на берегу реки, и набросился на решетку клетки. Цепь, которой пес был прикован к конуре, позволяла дотянуться до решетки. Лис, ошерившись, отскочил в дальний угол своей тюрьмы. На звуки из дома вышел охотник.

- Очухался? – спросил он у лиса, подходя к решетке. - Ну, и что с тобой делать? На мех тебя не примут, слишком уж ты ободранный какой-то. Ладно, живи пока. Может, зимой станешь более товарным.

Пока охотник говорил, пес по-прежнему горланил, сотрясая своим телом хрупкую на вид клетку. Он успокоился только после окрика хозяина, поворчав немного для приличия, скрылся в конуре.

Так начались для лиса ненавистные дни заточения. Приблизительно раз в месяц человек менял в клетке солому, забрасывал объедки со своего стола - почти ежедневно, если не забывал. Пес, демонстрируя свое превосходство, по-прежнему кидался на клетку, пытаясь разгрызть металлические прутья ограды.

К этим относительно спокойным будням лис почти привык. Но каждый раз он впадал в панику, когда хозяин появлялся в нетрезвом виде. Настроение человека предугадать было невозможно. В таком состоянии лис мог ощутить на своей шкуре что угодно, от полета полена, до удара сапогом. А иногда, просто для развлечения, охотник оставлял дверцу клетки открытой. Пес, видя, что нет больше металлической преграды, с утроенной силой пытался ворваться в клетку. Только ошейник, натужно скрипевший от животной силы, удерживал пса на расстоянии полутора метров от лиса.

Зима, о которой говорил охотник, заменила грязно рыжий цвет лисьего меха на серый, ничуть не улучшив качество пушнины. Это спасло лиса от гибели. Человек плюнул на возможность заработать денег и оставил лиса в качестве игрушки.

Влача жалкое существование, почти каждый день подвергаясь унижению, лис жил и не хотел умирать. Не хотел, не потому что боялся смерти, а потому что знал, что там, с другой стороны решетки, на свободе, находится та, которой принадлежит его сердце и он знал, что это взаимно. Он не мог себе позволить погибнуть вдали от нее! Поэтому лис жил и ждал возможности, шанса, чтобы сбежать из ненавистного плена.

Спустя год этот шанс настал. Весной заболел пес, которого хозяин унес в дом. Так лис избавился от собачьего лая. А в один из вечеров к хозяину пришли гости. Вырыли рядом с клеткой неглубокую ямку, развели в ней костер. Лис, как любое дикое животное, опасался огня, поэтому забился в самый дальний угол клетки. Но потом огонь исчез. Люди стали жарить над углем нанизанные на тонкие металлические прутья кусочки мяса.

Наевшись шашлыка, приняв изрядную долю алкоголя, охотник подвел своих товарищей к клетке, открыл дверцу и швырнул кусочек мяса себе под ноги. Лис, опасаясь очередного удара сапогом, отказался от угощения.

Хозяин захохотал:

- Что, брезгуешь? На, жри, животное! – после этих слов начал бросать лису другие куски мяса.

Вдоволь навеселившись, человек закрыл дверцу на засов. Но он был изрядно пьян, отворачиваясь от клетки, локтем, случайно зацепил засов и тот выскочил из пазов, оставляя дверь незапертой.

Еще где-то с час просидела компания возле костра, подбрасывая в него ветки для поддержания пламени, а потом отправилась в дом на покой.

Спустя минут десять лис толкнул лапой дверь. С легким скрипом она отодвинулась. Путь к свободе был открыт. Лис вылез из клетки, не веря в свое счастье. Подбежал к поленице, хотел по ней взобраться до верхушки забора, но остановился. Он не мог покинуть дом, не отомстив за себя.

Где-то с неделю до описываемых событий стояли ясные сухие дни. Охотник не особо следил за своим двором, в котором скопилось множество материала способного гореть – от засохшей скошенной травы, до различных бумажек. Лис начал носом сметать весь этот мусор к стенам деревянного дома. Потом лис нашел черенок старой лопаты, ухватился зубами за один его конец, а второй подтащил к костру, и засунул в пламя. Дождавшись, когда огонь уверенно расцветет на втором конце черенка, лис ткнул его в солому, на которой провел не один день. А потом таким, же образом, поджог мусор, собранный вдоль стен. Веселые, набирающие силу огоньки, заплясали среди ночи. Выпустив черенок лис взметнулся по поленнице и перепрыгнул через забор. Больно ударившись лапой, так и не отошедшей после ранения, он заковылял вдоль заборов этой деревни. Из-за многих оград раздавался собачий лай, но лис бежал, не опасаясь псов, потому что понимал, что собак здесь держат на цепях.

Миновав последний забор, замерев перед кромкой леса, лис оглянулся, чтобы увидеть, как расцветало вдалеке багровыми красками пожара недавно покинутое им жилье.

Две ночи лис пробирался по направлению к своему дому, обходя стороной скопления человеческих строений, два дня укрывался в лесных островках, чтобы не попасться на глаза случайному прохожему. Начались проблемы с пищей. Большая лапа и замедленная реакция, связанная с долгим малоподвижным образом жизни, не позволяли ему угнаться за грызунами и прочей живности. Под утро третьей ночи перед ним появились большие ящики – мусорные баки. Людей лис поблизости не почувствовал, зато почувствовал смешение различных съедобных запахов исходящих из баков. Лис залез в один из них. Ковыряясь среди отходов, ему удалось набить себе брюхо непонятной на вид, но вполне приемлемой пищей.

Отдохнув до наступления сумерек, лис продолжил свой бег. Он чувствовал, что с каждым часом приближается к своим, давно покинутым местам, к своей подруге. Под утро лис наткнулся на очередное скопление мусорных баков, но раздобыть еду у него не получилось. Здесь существовали свои хозяева. Не успел лис приблизиться к мусорному месту, как на него набросилась шайка бродячих собак. Как ему удалось убежать, лис понял, но окровавленное ухо, прокусанное какой-то из собак, утверждало, что спастись он относительно легко...

Лис по-прежнему отдыхал на островке, укрываясь от дождя среди хаотично наваленных бетонных блоков. Мысли из прошлого перенесли его в будущее. Прошло два года с момента пленения. Но лис был уверен, что его подруга до сих пор ожидает его возвращения. Он уже представлял момент, как появится возле конуры и лисица, учуяв родной запах, с радостным визгом выскочит к нему на встречу.

Вскоре лис покинул островок. Через несколько суток он понял, что до вступления на свою давно покинутую территорию осталось не более одного ночного перехода. Но чем ближе он приближался к своей земле, тем тревожней становилось у него на душе. В воздухе витало ощущение пустоты.

Наконец наступило долгожданное утро, когда лис подошел к южной границе своих владений. Увиденное ему не понравилось. Свежая прокладываемая автомобильная дорога вгрызлась в местный уголок тайги. Уходя на запад, она разбросала в разные стороны деревья, повстречавшиеся у нее на пути.

Перебежав через дорогу, лис продолжил путь к своей еще далекой норы. Но только теперь лес теперь сильно изменился. Человек, вторгшийся в тайгу, казался, задался целью

унизить, уничтожить красоту, создаваемую природой на протяжении веков. Лис шел, а со всех сторон, среди травы, у подножий уцелевших деревьев виднелся только один человеческий мусор.

Хорошо, что лисья нора находилась чуть ли не в дести километрах от прокладываемой дороги. Километра через полтора от дороги кучки мусора стали попадаться реже, а потом совсем исчезли. Теперь перед его глазами простирались места до боли знакомые с детства. И вот, наконец, он дошел до маленькой ложбинки, за которой располагалась его нора. С необычайным возбуждением в душе лис прошагал эту ложбинку и, наконец-таки, увидел вожаделенную нору! По внешним признакам она была покинута. Ничего страшного, решил лис, просто лисица услышала шум, создаваемый человеком, поэтому из чувства самосохранения сменила место обитания. Но в нору заглянуть было нужно, вдруг подруга оставила для него намек, в какой стороне ее искать. Не раздумывая ни секунды лис это осуществил...

Увиденное ударило по сознанию намного хлеще всех ударов сапогов по ребрам, которые лис испытывал совсем недавно. В норе ощущались остатки дыма двухлетней давности. Кто-то из людей обнаружил лисье жилище, попытался выкурить из него жильцов. В дальнем уголке норы лис обнаружил два комочка изъеденной временем шерсти, прикрывающей маленькие косточки. Лис все понял. Его подруга, учуяв дым, бросилась к запасному выходу, позвав за собой детей. Трое побежали за ней, а эти двое испугались, остались на месте и задохнулись. Лис узнал одного из них, именно правый лисенок самым первым бросился за бурундучком, которого притащил отец в день своего исчезновения.

По следам подруги лис выбрался наружу через запасной выход. Природа не успела затереть следы двухлетней давности. Лис словно бы в живую увидел разыгравшуюся здесь трагедию. Вот, с лаем, из норы выскочила лисица. Вот, скуля от страха, выкатились три комочка, и скученно забились под ближайший куст. Вот, подошел человек в тяжелых сапогах, чтобы подобрать лисят. Появились собаки. Одна, две... три! Следы говорят именно о трех собаках! Завязалась битва. Лисица сопротивлялась, как могла. Но прозвучали четыре выстрела. Четыре пули, пронзая тело его подруги, исчезли в земле. Была кровь. Много крови! Пули задели жизненно важные органы, лисица погибла быстро, не мучаясь... Его подруга умерла!..

На дрожащих лапах лис удалялся от страшного места, о котором грезил целых два года. Он уходил в сторону реки, в край камней, с которого начались все его злоключения. Он хотел лечь на берегу, уснуть. Уснуть, чтобы не проснуться никогда.

Но и тут ему не повезло. Вместо прохлады, рожденной влагой, вместо вечно звенящей речной и прибрежной жизни, он застал оглушительную тишину. А сама река от берега до берега исчезла, сгинула, под невесть откуда взявшейся здесь густой нефтяной пленкой. Лис не смог остаться у столь мрачного берега. За рекой заканчивались его владения, началась земля другого самца.

Он подошел к застывшей в черном переправе. Его инстинкты вопили, что нельзя осуществлять здесь переход! Но лису было наплевать, ведь он и так искал для себя смерть. Что значит жизнь, когда рядом нет родного существа!

Лис пошел по черной поверхности, скрывавшей мелководье. Его лапы погружались в липкую жидкость. С каждым шагом нефтяная пленка все сильнее и сильнее окутывала лапы, опущенный хвост. Вскоре лис оказался на другом берегу. Он шел безостановочно, даже не пытаясь уничтожить на себе следы от нефти. От нефтяной пленки и всего, что к

ней прилипло, лапы с хвостом стали очень тяжелыми. Он шел, заодно выискивая лиса-хозяина чужой земли, но никак не мог найти его следы.

Окончательно выбившись из сил, лис подошел к небольшому холмику, за которым раздавался птичий гвалт. Заинтересовавшись источником звука, он взобрался на холм. Лис увидел гнездо среди веток березы, стоявшей чуть ниже холма. Из гнезда, словно раскрывшиеся бутоны цветов, выглядывали вытянутые вверх клювы птенцов, а два пернатых родителя вкладывали в эти клювы различных жучков.

Лис не мог оторвать глаз от жизни, обитавшей в гнезде. Он прилег, положил голову на изуродованные нефтью лапы. Лис лежал и смотрел. Смотрел и радовался, пусть не своему, пусть чужому, но все-таки счастьем...

Конец августа. Новая, широкая, гладкая дорога разрезала таёжную глушь. По качеству и красоте шоссе не уступало самым лучшим современным европейским образцам дорожного строительства.

«Умеют же делать, когда захотят!» - восхищенно подумал водитель автомобиля, решивший съездить с пятилетним сыном в лес за грибами.

Скрипнув придорожным гравием, машина остановилась. Прихватив с собой корзинки для грибов, ножи, а так же немного еды, грибники углубились в лес. Отец шел внимательно вглядываясь себе под ноги, стараясь не упустить ни одного гриба, а сын радостно бегал вокруг, замечая только самые большие, но не всегда съедобные. Остановившись возле очередной поганки, сын допил воду из бутылки и закинул ее в кусты. Отец сначала хотел сказать сыну, чтобы он подобрал выброшенную тару, но передумал. Таскаться по лесу с ненужным пластиком неудобно, а в самом лесу и так хватало всякого хлама, так что одна лишняя бутылка не могла ничего испортить.

Беготня сына сопровождалась сыпавшимися из него, как из рога изобилия вопросами: «Папа, а это гриб съедобный?», «А что это за ягоды?», «А почему комаров так много?» - и так далее. Отец лениво отвечал. Но тут голос сына раздался с невысокого холмика:

- Папа! Иди скорей сюда!

Отцу пришлось тоже взобраться на холм. А сын, тыкая рукой в кусты, продолжил:

- Папа! Гляди! Собака! Мертвая!!!

Приглядевшись к останкам тела, на которые указывал сын, папа ответил:

- Это не собака. Это лиса.

- Ух, ты! Лиса! А как она здесь оказалась? А почему она умерла?

- Как оказалась, не знаю. А умерла... ну, наверное, потому что старая была...

Постояв немного над телом погибшего лиса, сосредоточенный отец и беззаботный сын отправились дальше.